

□□Цзянь Линхуай утомился от бесплодных препирательств и собрался было сменить тему, как вдруг заметил, что Гуань Сихань сверлит его взглядом, в котором, словно в глубинах омута, мерцало нечто неуловимое.

Сердце Цзянь Линхуая предательски сжалось от недоброго предчувствия.

И точно, словно гром среди ясного неба, прозвучали слова Гуань Сихань: "Ты стал другим человеком".

"..."

Гуань Сихань, словно искусный таксидермист, препарировала каждое его движение, каждую мимолетную перемену в выражении лица. И чем больше деталей она выхватывала, тем разительнее становилась перемена.

"В последнее время Цзянь Линхуай ведет себя... странно. Он словно потерял себя".

Гуань Сихань на мгновение замолчала, а затем, словно пригвоздив его своим взглядом, прошептала: "Ты...?"

Цзянь Линхуай, не дожидаясь продолжения, выпалил: "Нет!"

В повисшей тишине их взгляды скрестились, словно клинки.

"Мяу, мяу, мяу?" – пролепетал Сунь Цзиньчэн, озираясь по сторонам. Ему казалось, что он попал в эпицентр телепатического сеанса. – "О чем вы думаете? Я тоже хочу!"

Спустя несколько долгих мгновений, Гуань Сихань, словно фокусник, достала из рукава телефон, пару раз провела пальцем по экрану и, внезапно вскочив, облокотилась на журнальный столик, подвигая гаджет к Цзянь Линхуаю: "Смотри, кто это!"

Цзянь Линхуай не успел увернуться, как на экране вспыхнуло лучезарное изображение Хэ Чжичжоу.

Первой, совершенно произвольной, мыслью Цзянь Линхуая было: "Шип-шип-шип".

"..." Цзянь Линхуай, словно улитка, спрятавшаяся в раковину, закрыл лицо руками и отвернулся, не в силах вынести этот обжигающий взгляд.

"Так я и знала! Ты подражаешь президенту Хэ!" – торжествуя воскликнула Гуань Сихань. – "Копируешь его манеры, движения, даже мимику, лишь бы стать похожим на него! Цзянь Линхуай, Цзянь Линхуай, не ожидала от тебя такой романтической одержимости! Я тебя недооценивала. Но я все равно раскусила твой трюк! Как бы ты ни притворялся, твоя первая реакция при виде президента Хэ говорит сама за себя!"

Цзянь Линхуай: "..."

Цзянь Линхуай нервно усмехнулся: "Ха-ха, ты чертовски проницательна".

"Теперь я понимаю, почему ты решил покинуть индустрию развлечений и заняться бизнесом", – Гуань Сихань убрала телефон, окинула его оценивающим взглядом, и в ее глазах, казалось, вспыхнула искра прозрения. – "Ты хочешь подражать президенту Хэ, стать большим боссом!"

Цзянь Линхуай театрально хлопнул в ладоши: "Браво!"

Что ж, грех было не воспользоваться ступеньками, так старательно для него выстроенными.

"Да, именно так! Я хочу подражать ему, превзойти его, взобраться на вершину и заставить его смотреть на меня, а не наоборот!" – Это была почти правда.

"Вааааа, это так трогательно!" – Сунь Цзиньчэн, словно папарацци, снимал происходящее из-за спины Цзянь Линхуая. – "Я и представить себе не мог, что ты настолько влюблен, брат Цзянь! Я ошибался насчет тебя! Оказывается, в любви есть и положительные стороны! Ты обязательно произведешь впечатление на президента Хэ!"

"В таком случае, я не буду больше отнимать твое время", – Гуань Сихань собрала документы со стола обратно в сумку и протянула Цзянь Линхуаю руку. – "Удачи".

Цзянь Линхуай улыбнулся, встал и пожал ее руку: "Спасибо за заботу и сотрудничество на протяжении стольких лет. Ты проделала огромную работу. Мы еще увидимся".

Гуань Сихань с улыбкой ответила: "Если передумаешь и захочешь вернуться, дай знать, я найду тебе лучшего агента".

Цзянь Линхуай: "..."

****

Не успели они опомниться, как на горизонте забрезжил банкет по случаю дня рождения старой госпожи Хэ.

Сунь Цзиньчэн, словно верный оруженосец, уже с самого утра ждал внизу, наводя последний лоск перед зеркалом и обильно орошая себя лаком для волос.

Как только Цзянь Линхуай уселся на заднее сиденье, его ноздри обожгло едким запахом. Он тут же опустил стекло, проветривая салон.

"Тебе больше не разрешается пользоваться этим ароматизатором".

"Эй, Цзянь, может, посоветуешь мне что-нибудь приличное? Какими брендами пользуешься ты?" – Сунь Цзиньчэн обернулся и замер с улыбкой на лице. – "Черт побери, Цзянь, ты выглядишь... обворожительно!"

Цзянь Линхуай: "?"

"Ты... слишком..." – Сунь Цзиньчэн долго подбирал слова, прежде чем выпалил: – "Серьезный! Раньше ты так не наряжался! Хотя, конечно, ты всегда был хорош собой. Но сейчас... Даже если бы ты был елкой, то самой красивой рождественской елкой в мире!"

Цзянь Линхуай опустил взгляд на свои безупречно выглаженные брюки и рубашку: "Не носи чепуху".

Сунь Цзиньчэн снова взглянул на его прическу. Мягкие, послушные пряди, уложенные с безупречным вкусом, выгодно отличались от его собственных сальных волос.

"Поехали", – скомандовал Цзянь Линхуай.

Родовое поместье семьи Хэ и вилла Цзянь Линхуая находились на приличном расстоянии друг от друга, но теперь они ехали из центра города, что позволило сэкономить около полчаса.

Когда они прибыли к дому семьи Хэ, уже близилась полночь.

Железные ворота преградили им путь. Лишь после тщательной проверки документов охрана удостоверилась в их личности и пропустила автомобиль. После десятиминутного путешествия по извилистой дороге перед ними, словно мираж, предстал великолепный особняк – вилла, которую без преувеличения можно было назвать дворцом.

Банкет был в самом разгаре, и большая часть приглашенных уже собралась.

Выйдя из машины, Цзянь Линхуай бросил взгляд на величественное здание и про себя подсчитал его приблизительную стоимость.

"Прошу, проходите", – донесся до него знакомый женский голос. На лице Чжан Сюфэнь застыла дежурная улыбка.

Цзянь Линхуай бросил взгляд на Чжан Сюфэнь, вынужденную исполнять роль радушной хозяйки, и улыбнулся: "Давно не виделись".

Чжан Сюфэнь поджала губы и сумела придать своему лицу более приветливое выражение: "Поторопись, бабушка ждет тебя уже целую вечность".

Цзянь Линхуай обернулся и взглянул на Сунь Цзиньчэна, который, словно тень, следовал за ним, сжимая в руках несколько больших подарочных пакетов.

Двор утопал в роскоши. С обеих сторон аллеи возвышались каскады фонтанов. Поднимаясь по ступеням, Цзянь Линхуай слышал доносящиеся изнутри шумные голоса, смех и обрывки разговоров.

Он на мгновение замер, словно собираясь с духом, а затем, натянув на лицо приветливую улыбку, произнес: "Бабушка, я пришел!"

В комнате воцарилась тишина.

Взгляды всех присутствующих были прикованы к этому гостю.

Цзянь Линхуай, излучая уверенность и невозмутимость, направился прямо к пожилой леди, восседающей во главе стола.

Старушка, облаченная в яркое ципао, радостно улыбнулась. Она всплеснула руками и воскликнула: "Боже мой, неужели это Сяо Цзянь?"

Цзянь Линхуай взял ее за руку и кивнул: "Это я. С днем рождения, бабушка!"

"Что? Сегодня немного жарко?" – прокричала бабушка Хэ.

Слух у пожилой женщины был уже не тот.

Цзянь Линхуай повысил голос: "Да, немного жарко. И я хочу поздравить вас с днем рождения!"

Бабушка Хэ: "Дорогой мой, как ты узнал, что я хочу послушать твое пение?"

Цзянь Линхуай: "..."

"Больше всего на свете я люблю слушать, как поет Сяо Цзянь!" – бабушка Хэ радостно

похлопала Цзянь Линхуая по руке. Ее улыбка сияла, словно яркий цветок.

Кто-то из присутствующих не выдержал и вставил: "Тетя, зачем мучить ребенка? Может, лучше попросим спеть для вас нашего Сяо Цзе?"

Бабушка Хэ повернулась в его сторону и спросила: "Что? У Сяо Цзе снова появился отец?"

Человек, переживший третий развод, покраснел и неловко попятился, пытаясь раствориться в толпе.

Остальные тоже предпочли помалкивать; кто-то отвернулся, кто-то закрыл глаза, а одна из матерей поспешно закрыла уши своему ребенку.

Бабушка Хэ повернулась к Цзянь Линхуаю, ожидая его ответа.

Что оставалось делать Цзянь Линхуаю? Не мог же он отказать этой милой старушке!

Он глубоко вздохнул и запел: "Луна над островом восходит, нефритовый кролик появляется, а нефритовый кролик рано встает на востоке..."

Присутствующие были поражены: он пел арию из Пекинской оперы "Пьяная красавица", а не современную попсу, как все ожидали.

Дверь в кабинет на втором этаже приоткрылась, и, привлеченные шумом, в коридор вышли отец и сын из семейства Хэ. Они с любопытством наблюдали за происходящим в гостиной.

Закончив отрывок, Цзянь Линхуай увидел, что бабушка Хэ по-прежнему полна энтузиазма. Она захлопала в ладоши и воскликнула: "Какой прекрасный голос! Это просто восхитительно! Напомнило мне те времена, когда я ходила в театр. Это было чудесно! Ох, я уже слишком стара, чтобы петь. Пусть Сяо Чжоу споет с тобой дуэтом. Где Сяо Чжоу?"

"Я здесь", - Хэ Чжичжоу спустился вниз и помог бабушке сесть. - "Ты устала? Может, хочешь воды?"

Бабушка Хэ: "Да, точно! Он должен спать с Сяо Цзянем!"

Хэ Чжичжоу терпеливо ответил: "Ты не можешь спать с Сяо Цзянем".

Бабушка Хэ кивнула: "Я не могу, но ты можешь спать с Сяо Цзянем!"

Цзянь Линхуай: "..."

Цзянь Линхуай поспешил предложить ей воды: "Бабушка, вот, выпейте!"

Пока старушка пила воду, Хэ Чжичжоу, обращаясь к Цзянь Линхуаю, спросил: "Когда ты успел этому научиться?"

"В детстве учил", - ответил Цзянь Линхуай. Его бабушка по материнской линии была артисткой Пекинской оперы. Каждый раз, когда он приезжал к ней в гости, она всегда старалась научить его нескольким ариям.

Но, боясь выдать себя, он поспешил сменить тему: "Я привез бабушке подарок".

Сунь Цзиньчэн тут же передал ему подарочный пакет.

Под внимательными взглядами присутствующих Цзянь Линхуай преподнес пожилой женщине свитер и вязаную шапку.

"Бабушка, я сам это связал. Они очень теплые, пригодятся зимой", – сказал Цзянь Линхуай. Он вспомнил, что бабушка Хэ в оригинальном романе описывалась как женщина, которая очень тяжело переносила зимние холода.

Все присутствующие: "..."

В головах у большинства промелькнула одна и та же мысль: он, несомненно, очень старается, стремясь быть добропорядочной женой и любящим внуком, и все это ради Хэ Чжичжоу и семейного благополучия.

Бабушка взяла свитер и несказанно обрадовалась. Она снова и снова ощупывала его, не желая выпускать из рук.

<http://bllate.org/book/14802/1319459>